

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ЛИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДЧИКА

Художественный перевод – вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом. Литература в силу своей словесной природы – единственное из искусств, замкнутое языковыми границами: в отличие от музыки, живописи, скульптуры, танца и т. д., литературное произведение доступно только тем, кто знает язык, на котором оно написано. Специфика художественного перевода определяется, с одной стороны, его местом среди других видов перевода, а с другой – его соотношением с оригинальным литературным творчеством. Между исходной точкой и результатом переводческого творчества лежит сложный процесс «перевыражения» той жизни, которая закреплена в образной ткани переводимого произведения. Поэтому проблематика художественного перевода лежит в сфере искусства и подчиняется его специфическим законам. От оригинального творчества художественный перевод отличается зависимостью от объекта перевода.

Очень трудно переоценить роль перевода художественных произведений в обмене знаниями, мыслями и чувствами между народами и их культурами. Русская литература за века своего исторического развития обогащалась благодаря переводческой деятельности великолепной плеяды литературных деятелей: начиная с Н. И. Гнедича и В. А. Жуковского, русские писатели брались за перевод художественных текстов с европейских языков – французского, английского, немецкого, с древних языков (латинского, греческого), переводили литературу Востока и азиатских стран. При этом читая рассказ, поэму или какое-либо другое произведение, переведенное с иностранного языка, мы воспринимаем текст с его смыслом, эмоциями и героями, а между тем не каждый знает, каких трудов стоило переводчику перевести этот текст, что бы сохранился смысл в этом литературном произведении. Сложность перевода текстов художественных произведений

объясняется и необычайно высокой смысловой «нагруженностью» каждого слова – ведь переводчику приходится не только переводить текст с другого языка, а создавать его по смыслу заново с отличным «видением» мира, а, следовательно, специфическими способами осознания и отражения мира в разных языках; и различием культур, к которым принадлежат языки перевода и оригинала: арабский читатель легко узнает в тексте намек на сюжеты Корана, а европеец этих реминисценций может не заметить[1].

Из выше сказанного становится очевидно, что дословный перевод не может отразить глубину и смысл текста произведения. Поэтому, литературный перевод может разительно отличаться от оригинала. Писатель-переводчик воспроизводит не буквальный текст оригинала, а то, как он сам понимает этот текст. Конечно, литературный перевод невозможен без всестороннего осмысления оригинала, и одного знания иностранного языка здесь мало, нужно особое мастерство – умение интерпретировать игру слов, чувство языковой формы, способность передать художественный образ. Однако художественный перевод единственный из видов перевода, которому присущ феномен множественности, т. е. одно и то же литературное произведение может быть переведено разными переводчиками и в результате будут получены разные переводы одного и того же произведения. Чем же вызваны данные различия? Для одного определенного произведения, в процессе перевода на один определенный язык и для определенного носителя этого языка единственным переменным фактором является личность переводчика.

Вопрос о личности переводчика в художественной литературе до сих пор не получил однозначной оценки. За восприятием перевода в новой языковой среде стоят процессы его создания и фигура переводчика, его создателя, а также его воздействие на новую аудиторию. Понятие творческой индивидуальности переводчика принадлежит наиболее интересным, сложным и одновременно наименее разработанным проблемам переводоведения. Эта проблема практически никак не рассматривается в лингвистических и текстовых теориях перевода, авторы которых стремятся создать единую для

всех разновидностей перевода концепцию, и не заинтересованы с субъективных аспектах художественного творчества. Однако переводчики занимающиеся художественным переводом никогда не были согласны с такой постановкой вопроса.

У переводчика любой специальности есть свои, характерные для него приемы, и с помощью современных исследовательских методов нетрудно выявить его пристрастия (в том числе неосознанные), сказывающиеся на выборе слов, оборотов речи, синтаксических конструкций, терминологии и т. д. Этот анализ может много значить для оценки качества его работы, но вряд ли будет иметь принципиальное, общее значение, т. к. одна и та же мысль может быть выражена на каждом языке по-разному, а для научно-технического перевода, в сущности, безразличен способ выражения, лишь бы эта мысль была правильно понята и донесена до нового адресата. Успех переводчика художественной литературы будет зависеть не только от близости его перевода к подлиннику, но и от эстетической силы переведенного произведения.

Очень интересен с этой точки зрения случай с баснями И. Крылова, которые представляют собой в значительной мере переложения Лафонтена, который в свою очередь перелагал Эзопа, или обработки разных бродячих сюжетов. Исследователи по-разному оценивают соотношение их с первоисточниками, но мало кому приходит в голову сомневаться, что басни И. Крылова – это чисто русское, а не переводное явление, которое должно рассматриваться в русской басенной традиции, именно потому, что в них нет переводности. Басни Лафонтена представляют собой образец литературы классицизма, их образный строй лишен национальной специфичности или, во всяком случае, она не входила в намерение автора. В этом смысле его басни абстрактны, они говорят об общих нравственных законах, их назидательность не привязана к жизненной конкретике. Это облегчает замысел И. Крылова, басни которого, повторяя сюжеты Эзопа – Лафонтена, подчеркнута народны в русском духе и русской традиции. И. Крылов меньше всего ощущал себя переводчиком. По

этому поводу А. С. Пушкин писал что: Лафонтен и И. Крылов представители духа обоих народов [2].

Дар перевоплощения – вот что справедливо отмечали многие авторитеты как характерную черту переводческого таланта. Если этого дара нет (или нет желания подчиняться этой необходимости), то нет и перевода. Из всех уподоблений, которые во множестве существуют в переводоведческой литературе, наиболее часто встречаются сравнения переводчика с актером или пианистом. Говоря словами В. Левика, в переводе есть сходство со всяким исполнительским искусством, поскольку это также творчество на чужом материале. Правда, В. Левик добавлял, что этим сходство и ограничивается [3]. Это очень важное уточнение, т. к., создавая свою версию литературного произведения, переводчик создает как бы новый, второй оригинал, который замещает подлинник, а не просто интерпретирует его.

Таким образом, различия в переводах определяются различными личностными характеристиками и взглядами переводчиков. Однако доля проявления творческой личности в переводах также различна. Перевод – искусство, никак не сводящееся к буквальной передаче текста, поэтому переводчик должен быть наделён писательским даром. Для перевода с любого иностранного языка не достаточно просто знать этот язык на отлично, нужно уметь прочувствовать каждое слово, рассмотреть различные его значения и правильно соединить по смыслу с другими словами. Художественный перевод текста требует раскрытия творческой индивидуальности переводчика, но так, чтобы она не заслоняла своеобразие автора.

Список литературных источников

1. Горбачевский, А. А. Оригинал и его отражение в тексте перевода / А. А. Горбачевский. – Челябинск: ЧГПУ, 2001. – 202 с.
2. Попович, А. Проблемы художественного перевода / А. Попович. – М.: [Высшая школа](#), 1980. – 188 с.

3. Левик, В. В. Перевод – средство взаимного сближения народов / В. В. Левик.
– М.: Художественная литература, 1987. – 360 с.